

Джим Батчер Хеорот

Аннотация

Новая история из досье Дрездена, опубликованная в сборнике «My Big Fat Supernatural Honeymoon». Действие происходит в период между произведениями «Это и мой День рождения» и «Маленькое одолжение».

Джим Батчер Хеорот¹ (Heorot)

Я сидел в своём офисе, сортируя пришедшие счета, когда позвонил Мак и сказал:

— Мне нужна твоя помощь.

Это было впервые, когда я услышал от него четыре слова подряд.

— О'кей, — сказал я. — Где?

Я иногда не намного красноречивее, чем он.

— Паб «Островной Бездельник», — ответил Мак. — Вриглейвил.

— Уже в пути. — Я положил трубку, встал, взял свой черный кожаный плащ, и произнес, обращаясь к своей собаке, — У нас есть работа. Идем.

Мой пес, который был больше, чем большинство европейских машин, резво поднялся с места, на котором он лежал возле единственной в моём офисе батарее. Он встряхнул

¹ Хеорот — из сказания о Беовульфе, палата, которую приказал построить король Хротгар, для того чтобы ему было где пировать со своими войнами, и роскошней которой не должно было быть ни у одного короля, и украшенная оленьими рогами. Получила та палата название Хеорот, что значит — «Оленья палата». Именно в ней Грендель нападал на спящих воинов и пожирал их, и именно в ней Беовульф схватился с Гренделем и в схвате оторвал тому лапу.

толстым серым мехом, потряс лохматой, почти львиной гривой на шее и плечах, и мы направились помогать другу.

Октябрь принес с собой больше дождей и холодов, чем обычно, а этот день выдался особенно ветреным и дождливым. Я припарковал свой старый, потрепанный «Фольксваген Жук», ссутулил плечи под кожаным плащом и побрел под ветром на север по Кларку. Мыш держался рядом со мной, прижимаясь к моей ноге.

Паб «Островной бездельник» располагался поблизости от стадиона Вриглей и был популярным местом встреч между играми. Он был больше большинства подобных заведений и мог принять несколько сотен посетителей в разных залах на нескольких этажах. Снаружи над входом в паб, на кирпичной стене были наклеены огромные афиши. Несмотря на то, что афиши промокли от дождя, на них всё еще можно было разобрать «Чикагская пивная ассоциация» и «ночь живого пива». Ниже висело объявление о соревнованиях и фестивале мини-пивоварен, с датой сегодняшнего дня. Множество народу сновало туда-сюда около входа.

— Угум, — сказал я Мышу. — Это объясняет, почему Мак здесь, а не в собственном заведении. Он наконец-то решил испытать новое темное на неподготовленной публике.

Мыш слегка укоризненно посмотрел на меня из-под своих косматых бровей, потом опустил голову, тяжело вздохнул, и продолжил медленно и тяжело плестись под дождем, пока мы подходили к пабу. Мак ждал нас в фойе. Мускулистый, лысый мужчина, одетый в черные брюки и белую футболку, возрастом где-то между тридцатью и пятидесятью. У него было очень обычное, незапоминающееся лицо, на котором навеки застыло выражение спокойствия и невозмутимости.

Сегодня, однако, это было то, что я бы назвал словом «маска».

Я укрылся от дождя и вручил Маку мой шестифунтовый посох, чтобы он подержал его, пока я буду снимать пыльник. Разбрызгивая во все стороны капли дождя, я старательно встряхнул его и снова одел.

Мак содержал кабак, в котором околачивалась все сверхъестественная публика Чикаго. Он повидал у себя в заведении множество паранормальных психов, и если Мак выглядел встревоженным, я хотел бы, чтобы мой укрепленный заклинаниями плащ был между моей нежной кожей и источником его беспокойства. Я забрал посох у Мака, который кивнул мне и наклонился вниз к Мышу пожать лапу, которую мой пес на полном серьезе протянул для рукопожатия. Мак потрепал Мыша за уши и сказал:

— Пропала девушка.

Я кивнул, краем глаза замечая несколько косых взглядов, которые бросали на нас собравшиеся внутри люди. Но это было нормально.

— Что нам известно?

— Муж, — сказал Мак. Он кивком головы пригласил меня следовать за ним и пошел вглубь паба. Мыш следовал рядом со мной, дружелюбно виляя хвостом из стороны в сторону. Я полагаю, что этот жест был игрой на публику. Мыш был гораздо крупнее большинства собак и люди начинали нервничать, если он не вел себя очень дружелюбно.

Мак провел меня через несколько залов, в которых каждый стол и палатка представляли различные пивоварни. Среди небрежно сделанных в домашних условиях надписей и вывесок, на всевозможные лады назойливо рекламировавших и нахваливающих пиво, сильно выделялась одна, возле которой остановился Мак. Там, над раскладным прилавком, была аккуратно начертанная, легко читаемая надпись «Темное МакЭнелли».

В палатке по соседству, молодой хорошо выглядевший парень похожий на библиотекаря, нервно потирая руки, беседовал с полицейским.

— Но вы не понимаете, — услышал я. — Она не могла уйти. Не сегодня. У нас этой ночью начинается медовый месяц.

Коп — невысокий, коренастый, лысеющий тип, чей нос был гораздо более красный, чем это могла бы вызвать погода на улице, кивнул головой.

— Сэр, я сожалею, но, сколько времени назад она пропала? Примерно час или два? Мы

даже не сможем взяться за дело, пока не пройдет двадцать четыре часа.

— Она не могла просто так уйти, — почти прокричал молодой человек.

— Слушай, парень, — сказал коп. — Это не первый случай, когда невеста какого-нибудь парня запаниковала и сбежала. Хочешь мой совет? Начинай звонить её предыдущим кавалерам.

— Но...

Коп упёр палец в грудь парня.

— Отвали, приятель. Возвращайся через двадцать четыре часа. — Он повернулся, чтобы уйти прочь и практически столкнулся со мной. Сделав шаг назад, он вылупился на меня.

— Вы что-то хотели?

— Только погреться в лучах вашего сочувствия, офицер, — ответил я.

Его лицо потемнело от злости, но прежде чем он успел сделать глубокий вздох и начать бросаться на всех в округе, Мак вручил ему, прямо в руку, кружку своего темного эля. Коп незамедлительно начал пить. Он залил последний глоток в рот, не пролив не капли на форму и, рыгнув, вручил кружку обратно Маку, после чего резко развернувшись, пошел прочь.

— Мистер МакЭнелли, — сказал парень, поворачиваясь к Маку. — Хвала небесам. Я все еще не видел её. — Он посмотрел на меня. — Это про него вы говорили?

Мак кивнул. Я протянул руку для рукопожатия.

— Гарри Дрезден.

— Роджер Брэддок, — сказал обеспокоенный парень. — Кто-то похитил мою жену.

Он пожал руку слишком сильно. Его пальцы были холодные и немного влажные от пота. Я не был уверен, что именно с ним происходит, но он действительно и искренне боялся.

— Похитили? Вы видели, что случилось?

— Ну, — смутился он, — нет. Не совсем. Никто не видел. Но она не могла просто так уйти. Не сегодня. Мы поженились сегодня утром и отправляемся в медовый месяц сразу после окончания фестиваля.

Я удивленно поднял брови.

— Вы отложили медовый месяц, чтобы побыть на фестивале пива?

— Я открываю своё собственное заведение, — объяснил Брэддок. — Мистер МакЭнелли помогает мне советами. Так сказать наставляет меня. Это было... я имею в виду, я бываю здесь каждый год, и он проходит только раз в году, и это очень престижно, победить на них... для установления деловых контактов и... — Его голос оборвался, когда он огляделся вокруг.

Вот. Всё наносное уходит прочь при внезапной потере, и начинаешь действительно ценить то, что тебе дорого. Иногда тяжело бывает различить, что действительно важно для тебя, до тех пор, пока ты не поймешь, что можешь этого лишиться.

— Вы вдвоем были за этим прилавком? — уточнил я.

— Да, — сказал он, облизнув губы. — Она отошла, чтобы взять несколько салфеток в баре, вон там. Она не отходила и на двадцать футов и вдруг каким-то образом она просто исчезла.

Откровенно говоря, лично я склонялся к той версии, которую высказал парню коп. Людям свойственно быть эгоистичными, жадными и ненадежными. Есть, конечно, редкие исключения из этого правила, но никто не хочет верить, что маленькие недостатки человеческой натуры могут стать между ним и его избранником.

Парень выглядел ужасным романтиком. Пока такие люди влюблены, то руководствуются в принятии решений эмоциями, и способны совершать огромнейшие ошибки. И чем хуже выглядит ситуация, тем сложнее им искать причины не верить в неё. Все выглядит так, что вероятнее всего его девушка бросила его, а не так что кто-то её похитил.

С другой стороны, вероятно, это и не так. Да и Мак не похож на того, кто кричит

«Волк, волк».

— Как долго вы были вместе? — просил я Брэддока.

— С тех пор, как нам исполнилось по пятнадцать лет, — откликнулся он. Вялая улыбка появилась на его лице. — Почти десять лет.

— Решили оформить все официально, так?

— Мы оба посчитали, что так будет правильно, — ответил он. Улыбка исчезла. — Я точно знаю, что она не ушла. Если только её никто не заставил.

Я обошел вокруг Брэддока и начал изучать заднюю сторону прилавка. Кега стояла на столе, рядом была небольшая вывеска с карикатурным изображением шлема викингов, перевязью и огромным мечом. Надпись чуть ниже гласила:

«Представляю „Брэддоковское полуночное солнце цвета корицы“».

Я хмыкнул и, нагнувшись, вытащил из под стула простую черную кожаную дамскую сумочку. Не дорогая сумочка, однако.

— Навряд ли она пошла куда-то, прогуляться без своей сумочки, — сказал я. — Я в этом уверен.

Брэддок облизнул губы, закрыл глаза и прошептал:

— Элизабет.

Я вздохнул. Вот проклятье. Теперь у неё было имя. Элизабет Брэддок, новобрачная. Может быть, она просто сбежала. А может быть нет, и я знаю, что не смогу просто так взять и отвернуться, когда возможно, она действительно в опасности и может пострадать.

Какого черта! Не страшно, если я немного осмотрюсь поблизости.

— Я надеюсь, шутки исключены, — сказал я и показал рукой на сумочку. — Можно?

— Конечно, — кивнул Брэддок. — Конечно, конечно.

Я поставил сумочку Элизабет на стол, позади кеги с пивом, и начал её тщательно осматривать. Обычная. Бумажник, немного косметика, мобильный телефон, «Клинекс», кое-какие женские гигиенические мелочи, одна из этих пластиковых коробочек с гормональными препаратами от нежелательной беременности, с привязанным к ней сложенным кусочком бумаги. Еще там была расческа, выглядевшая антикварной вещь с длинной, заостренной серебряной ручкой. Я вытащил несколько темных, волнистых волосков застрявших между зубчиками расчески.

— Это волосы вашей жены?

Брэддок около секунды смотрел на меня, затем кивнул.

— Да. Конечно.

— Не возражаете, если я возьму её на время?

Он не возражал. Я тут же положил расческу в карман, и посмотрел на коробочку с гормональными таблетками. Я открыл её. Только несколько первых гнёзд блистеров были пустые. Я открутил привязанную сложенную бумажку и, раскрыв её, обнаружил инструкцию по употреблению. Кто сохраняет простыню-инструкцию? Не смешите меня.

Пока я обдумывал это, поперёк Брэддока упала тень и здоровая, обильно покрытая татуировками рука толкнула его спиной назад в узкий проход между палатками.

Я посмотрел на руку, присоединенную к накаченному, покрытому татуировками здоровяку. Он был лысый, с острой бородой, на пару дюймов ниже меня и весь покрытый мускулами, как луковица слоями. Шрамы вокруг глаз говорили, что он не понаслышке знаком с драками, а похожий на картошку, неоднократно переломанный нос, что он не очень в этом силен. Он был полностью одет в черную кожу, на его правой руке было такое количество латунных колец, что они могли послужить неплохой заменой кастету. Когда он заговорил, его голос оказался полностью соответствующим его облику — хриплый и глухой. Он швырнул маленькую треугольную складную рекламу в Брэддока.

— Где мой бочонок, Брэддок?

— Каин, — сказал Брэддок, начиная заикаться. — О чем ты говоришь?

— Моя кега, сучонок, — прорычал большой парень. Пара ребят, которые, судя по их виду, старались походить на Каина, поднимая до небес его эго, появились за его спиной. — Она исчезла. Ты догадывался, что не сможешь победить в этом году?

Я мельком взглянул на упавший под тент столик, рядом с которым валялась реклама с вагнерианской карикатурой изображающей пчелу, надпись под которой гласила: «Каин даст вам пинок!»

— У меня не было времени на это, — пытался оправдаться Брэddок.

Каин снова пихнул его на стенку палатки, на этот раз сильнее.

— Мы еще не закончили. Не дергайся, паскуда, если ты не хочешь, чтобы я надрал тебе твою паршивую задницу.

Я глянул на Мака, который, нахмурившись, пристально смотрел на Каина, но ничего не предпринимал. Мак не любит осложнять ситуацию.

Он умнее, чем я.

Я сделал шаг вперед, схватил Каина за руку и с энтузиазмом пожал её.

— Всем привет. Гарри Дрезден, частный детектив. Как дела? — я улыбнулся, приветливо кивнул головой, посылая улыбчивый оскал его друзьям, тоже. — Э-э. У вас случайно нет аллергии на собак?

Каин настолько сильно удивился этому вопросу, что практически забыл, как можно сильнее пожать мне руку. Когда же он осознал это, то сжал мою ладонь настолько сильно, что мне пришлось постараться не сморщиться от боли. Я не очень крепко сложен, но я более шести с половиной футов² роста и надо иметь достаточно сил, чтобы я почувствовал это.

— Что? — спросил он остроумно. — Собака, что?

— Аллергия на собак, — просветил я его, и кивнул вниз на Мыша. — Изредка у некоторых появляется отрицательная реакция на мою собаку, мне бы не хотелось, чтобы это случилось сейчас с вами.

Байкер рассерженно посмотрел на меня, затем глянул вниз.

Две сотни фунтов Мыша, настроенного сейчас отнюдь не дружелюбно, пристально, не отрываясь, смотрели на Каина. Мыш не скалил клыки и не рычал. Он не нуждался в этом. Он просто смотрел.

Каин чуть приподнял кончики губ в меленькой, безобразной улыбке. Но резко отпустил мою руку и затем насмешливо ухмыльнулся Брэddоку.

— Скажи, где твой маленький симпатичный кусочек? Сбежала от тебя, чтобы найти настоящего мужчину?

Брэddок возможно и был весом в половину от Каина, но бросился он к байкеру с кристально ясным и недвусмысленным намерением.

В это время Мак пошевелился, вставая между ними спиной к Брэddоку. Как старший и опытный, Мак понимал всю тщетность притязаний Брэddока и пытался удержать его от избиения, в то время как молодой и импульсивный ругался и пытался протиснуться мимо него.

Каин мерзко рассмеялся и шагнул вперед, его большие ладони сжались в кулаки. Я поднял посох, поэтому, когда он сделал еще шаг вперед, то налетел своей гортанью на широкий тупой деревянный конец. Он издал своеобразный звук, прозвучавший как «гларк», и резко отступил назад, в бешенстве смотря на меня.

Я поставил посох перед собой, держа его обеими ладонями. В это время в зал вошел, держа одну руку на дубинке, коренастый коп, привлеченный ударами Брэddока о палатку и его руганью.

— Веди себя тихо, громила, — сказал я достаточно громко, чтобы быть уверенным, что коп это слышал. — Парень просто расстроен, из-за жены. Он не имел в виду ничего такого.

Здоровяк поднял свой кулак, как будто собираясь зарядить им мне в башку, но один из его дружков предостерегающе произнес: — Коп.

Каин застыл и оглянулся. У офицера может быть, и было немного избыточного веса, но он выглядел как тот, кто знает, как вести себя в драке, и у него, между прочим, были дубинка и пистолет. Поэтому остальные детали униформы не имели смысла.

Каин раскрыл кулак, показывая, что там ничего нет, и опустил руку.

— Конечно, — сказал он. — Конечно. Недопонимание. Может с любым случиться.

— Я хочу, чтобы вы ушли отсюда, — приказал коп Каину, — немедленно. Иначе вас отсюда выведут.

Каин и компания вышли в полной тишине, их взгляды скользили по мне острыми кинжалами. Ну ладно — острыми консервными ножами. В данный момент Каин не выглядел по-настоящему опасным.

Коп подошел ко мне легкой походкой, что было достаточно нелегко при его весе. Возможно, это простое предположение, но этот мужчина знал, что такое играть действительно грубо. Он посмотрел на меня, потом на мой посох, и все еще держа в руках дубинку, спросил:

— Ты Дрезден?

— Был утром, — буркнул я.

— Слышал про тебя. Иногда работаешь с отделом специальных расследований. Называешь себя чародеем.

— Все правильно.

— Ты знаешь Роулинза?

— Хороший человек, — кивнул я.

Коп ухмыльнулся. Он кивком головы показал в сторону удалившегося Каина, и убрал дубинку.

— Этот парень — ходячие неприятности. Несколько достаточно серьезных происшествий. Например, избиения людей. Ты держи свои глаза широко открытыми, мистер Чародей, или он заставит несколько зубов из твоего рта загадочно исчезнуть.

— Ну да, — сказал я. — Черт возьми, он такой страшный.

Коп внимательно посмотрел на меня, потом грубо рассмеялся и сказал:

— Ну что ж, готовься к зубным протезам. Он кивнул и направился прочь, наверное, чтобы убедиться, что Каин действительно ушел.

В каком-то смысле коп и Каин были не так уж не похожи. Коп с таким же удовольствием зарядил бы дубинкой по голове Каину, с каким Каин зарядил бы по моей. Они оба чертовски чувствительно отнеслись к известию об исчезновении жены Брэддока. Но по крайней мере коп смог направить своего внутреннего плохого парня на что-то, что будет помогать людям — до тех пор, пока ему не придется слишком долго подниматься по лестнице.

Я повернулся обратно к Маку и обнаружил его все еще стоящим между парнем и дверью. Мак кивнул мне в знак признательности. Брэддок выглядел так, как будто собирался или разрыдаться, или завопить.

— Тут дело не только в чувствах, не так ли? — спросил я у него.

Парень отсутствующим взглядом смотрел на пустое место, где до этого стоял Каин.

— Элизабет однажды очень сильно его... обломала. Он очень плохо это воспринял и он этого никогда не забудет. Вы думаете, он сделал это?

— Не уверен. — задумчиво произнес я и повернулся к Маку, — Мак, что-то предупредило тебя, что в этом виновата сверхъестественная сторона. Мерцание света?

Мак пробурчал:

— Дважды.

Брэддок уставился на Мака, потом перевел ошеломленный взгляд на меня.

— И разве это должно хоть что-то значить?

— Активное применение магии имеет тенденцию вмешиваться в работу электрических систем, — сказал я. — Это взрывает мобильные телефоны, ломает компьютеры. Более простые вещи, например, такие как лампочки, обычно начинают немного мерцать.

У Брэddока было лицо, застывшие в поисках золотой середины между недоверием и тошнотой.

— Магия? Вы, должно быть, шутите, правда?

— У меня эта беседа уже в печенках сидит, — сказал я и потянулся к карману, где лежали выпавшие волосы Элизабет Брэddок. — В этом заведении есть черный вход?

Мак безмолвно подтвердил.

— Спасибо, — сказал я. — Идем, Мыш.

Черный вход выходил на длинную, узкую, грязную улицу, идущую параллельно Кларку. Ветер стал еще сильнее, из-за чего холодный, косой дождь сносило практически только на одну сторону улицы. Хорошо для меня. Это очень тяжело, заставить заклинание работать без сбоев, даже при небольшом дожде. Когда же льет, как из ведра, это просто невозможно даже при такой простой работе — как поисковое заклинание.

Я проделывал это уже сотни раз, и сейчас это была обыденная рутина. Я нашел чистое место на бетоне, укpывшись у подветренной стены, и быстро начертил кусочком мела вокруг себя круг, вкладывая в это действие, тщательно отмеренное усилие воли.

Я мгновенно почувствовал результат, как только завершил круг — щит из магии поднялся от круга, окружая меня и защищая от любой посторонней энергии, которая могла бы исказить заклинание. Я снял с шеи серебряную цепочку с висящей на ней старой потрепанной пентаграммой и привязал к ней несколько волосков, принадлежащих Элизабет. После этого я сконцентрировал свою волю чувствуя, как почти осязаемая энергия собирается в круг. Я глубоко вздохнул и прошептал на плохой латыни заклинание, направляя собранную магию в пентаграмму.

Серебряная пятиконечная звезда мигнула один раз, и дюжина маленьких искорок статического электричества пробежала по металлической поверхности. Я недовольно поморщился. Я был слишком небрежен, разрешив такому количеству энергии обратиться в статику. А ведь именно об аккуратности я твержу во время уроков моей ученице вот уже на протяжении недели.

Я разрушил круг, наступив одной ногой на меловую черту, и посмотрел на Мыша, который терпеливо сидел, открыв рот в собачьей усмешке. Он присутствовал на некоторых моих уроках, и он был гораздо умнее большинства собак. Насколько умнее, остается неизвестным, но у меня сложилось устойчивое впечатление, что он смеется с меня.

— Это из-за дождя, — сказал я в свое оправдание.

Мыш чихнул, виляя хвостом.

Я недовольно посмотрел на него. Я не уверен, смог бы я принять то, что моя собака была умнее меня.

Шедший дождь мог бы смыть заклинание с амулета, поэтому я постарался укpыть его так тщательно, как только смог, держась около здания, и прикрывая его рукой. Шляпа бы превосходно подошла для этой цели. Пожалуй, мне стоит приобрести одну.

Я поднял амулет, концентрируясь на заклинании. Он чуть подрагивал на краю цепочки, а потом резким внезапным движением качнулся в сторону дальнего конца улицы.

Я спрятал руку и амулет в рукав плаща и присвистнул, обращаясь к Мышу:

— Она прошла именно по этой улице. И судя по силе отклика, она была очень испугана. Оставила действительно очень глубокий след.

Мыш, сопя, издал грубый звук и направился вниз по улице. Он очень медленно шагал, пригнувшись, казалось, что мокрый мех практически тащится по земле. Я остановился. Когда Мыш отошел от меня на расстояние около двадцати ярдов, из его горла вырвалось низкое, рассерженное рычание. Для меня это послужило поводом удивленно поднять брови. Мыш никогда зря не поднимал тревогу, до тех пор, пока по-настоящему Плохие Парни не оказывались поблизости. Он ускорил скорость и я увеличил свой шаг, чтобы держаться рядом с ним. Я заметил, что, так же как и он начинаю рычать.

Магия это не единственная вещь, которую может испортить сильный дождь. Когда мы пересекли, пустую улицу, Мыш приостановился. Он снова зарычал и оглянулся на меня

через плечо. Его хвост поник, а взгляд выражал страдание.

— Я приведу тебя в порядок, — пообещал я ему. Я приподнял часть моего длинного, кожаного плаща посохом, так чтобы удерживать амулет под необходимой для него защитой.

Я выглядел как минимум смешно, когда делал это.

Я собираюсь купить шляпу в ближайшие дни.

Я клянусь.

Поисковое заклинание держалось, и амулет вёл меня вниз по улице, прямо к «Вриглей». Безмолвный стадион смутно вырисовывался вдали, укрытый серым, холодным дождем. Мыш, по-прежнему ведомый чувством долга, перешел с шага на бег. Внезапно он развернулся и свернул на другую улицу. Я остановился и расстегнул пальник, чтобы посоветоваться с амулетом.

Я был слишком занят, стараясь не дать разрушиться заклинанию. Ощущая сырость, холод и неудобство, я забыл прислушиваться к своей паранойе, что дало Каину возможность незаметно возникнуть из ниоткуда и опустить что-то тяжелое на мой многострадальный череп.

В последнюю секунду я повернул голову и дернулся в сторону, поэтому удар пришелся вдоль виска. Затем была вспышка света и мои ноги подкосились. Я успел увидеть, как Каин снова поднимает и замахивается длинным, белым, грязным атлетическим носком. Он положил в него что-то тяжелое и сделал импровизированный кистень.

Мои берда уперлись в муниципальный мусорный бак, и я подставил правую руку между кистнем и лицом. Защитные заклинания на моем плаще конечно хороши, но они предназначены, для того, чтобы защищать меня от огнестрельного оружия и острых, колющих вещей. Кистень обрушился на моё левое предплечье, которое сразу отнялось.

— Так, это ты украл для Брэдока мой бочонок, чтобы его коричневое медово-коричневое пойло победило? Теперь я собираюсь вытащить его из твоей задницы!

И с радостным, безумным выражением лица, Каин снова поднял кистень.

Он сделал ошибку прерываясь даже на такой маленький диалог, как этот. Если бы он ударил меня сразу же он бы, наверное, вырубил меня. Каин раздумывал достаточно долго, для того чтобы я успел собрать свои мысли воедино. Когда он начал замахиваться, я легким взмахом нижней части своего посоха, ударил его прямо по яичкам. Глаза байкера широко отрылись, а рот распахнулся в болезненном, немом крике.

Этими небольшими житейскими вещами ты дорожишь как сокровищем.

Каин пошатнулся и повалился на бок, но один из его парней выскочил из-за его спины и зарядил мне в челюсть. Само собой я, возможно, не обратил бы внимания на это, если бы Каин не позвонил в мои колокола до этого. Я упал на одно колено и попытался сообразить, что же делать дальше. Кто-то в больших мотоциклетных ботинках ударил меня в живот. Я повалился на спину и ответил ударом каблука в колено. Раздался хруст, щелчок и нападавший упал, завывая от боли.

У третьего парня была монтировка. На магию не оставалось ни времени, ни возможности — я не мог свести воедино глаза, а мысли разбегались. Каким—то удивительным чудом, я принял два первых удара на посох. И затем двести фунтов мокрой собаки врезались в грудь Каиненка номер два. Мыш не укусил его, должно быть, потому что есть вещи, которые даже собаки не захотят тащить в рот. Он просто повалил и вмял его в землю, удерживая без движения. Двое готовы.

Я поднялся как раз во время, в тот момент, когда Каин включился в игру, размахивая кистнем.

Я не думаю, что Каин много знал о технике боя на посохах. Ну а Мёрфи учила меня этому, между прочим, почти четыре года. Я поднял посох, когда Каин размахнулся, и перехватил носок. Тяжелый конец обернулся вокруг посоха, и я широким взмахом вырвал импровизированный кистень из его руки. Не останавливая движения, другим концом посоха я ударил его по голове.

Каин свалился на землю.

Я стоял, тяжело дыша и отперевшись о посох. Вау, я победил в драке! Чего обычно не происходит, если я не использую магию. Я оглянулся. Мыш выглядел хорошо. Он был занят удержанием одного из нападавших на земле.

— Придурок, — пробормотал я пребывающему без сознания Каину, слегка ударяя его ногой по ребрам. — У меня нет ни малейшего представления, что случилось с твоей долбанной кегой.

— О! — прозвучал женский голос у меня за спиной на чистом, ясном английском, в котором лишь слегка проскальзывал еле заметный немецкий или, возможно, скандинавский, акцент. — Я должна признать, что не ожидала, что вы так хорошо управитесь с ними.

Я немного повернулся, так чтобы следить за лежащими плохими парнями, и поудобнее перехватил посох, когда увидел говорившую.

Это была высокая блондинка — около шести футов ростом, одетая в удобные туфли без каблука. Её строгий, серый, костюм не мог скрыть атлетическое телосложение, которое не делало её менее женственной. У неё были глаза цвета синего льда, волевое привлекательное лицо. В правой руке она держала рюкзак. Я узнал её. Она была консультантом по сверхъестественной безопасности у короля чикагской преступности Джона Марконе.

— Миссис Гард, не так ли? — приветствовал я её, тяжело дыша.

Она согласно кивнула.

— Мистер Дрезден.

Мои руки дрожали, в ушах все еще стоял звон. Приблизительно через час у меня будет шишка величиной с гусиное яйцо прямо посреди лба.

— Я рад, что смог произвести на вас впечатление. Сейчас, извините меня, я работаю.

— Мне надо поговорить с вами, — сказала она.

— Позвоните в рабочее время. — Каин лежал бесчувственно, немного постанывая. Парень, которого я ударил в колено, стонал и бездумно покачивался вперед-назад. Я посмотрел на бандита, которого опрокинул на землю Мыш.

Он вздрогнул. В нём не осталось никакого желания подраться. Но, честно говоря... его почти не осталось и во мне тоже.

— Мыш, — позвал я и направился вниз по улице.

Мыш поднялся с мужчины, который охнул, когда собака обеими лапами оттолкнулась от его живота, и последовал за мной.

— Я серьезно, мистер Дрезден, — проговорила Гард мне в спину, направляясь за нами.

— Марконе, король только в его собственных мечтах, — сказал я, не останавливаясь. — Если он хочет сообщить мне что-то, то он может подождать. Я занят более важными вещами.

— Я знаю. Девушка. Она брюнетка, где-то около пяти с половиной футов, карие глаза, зелено-золотая футболка, синие джинсы, напуганная до безумия.

Я остановился и повернулся к Гард, обнажив зубы в оскале.

— Марконе замешан в этом? Если этот сучий сын думает, что ему сойдет с рук, он пожалеет, несмотря на то ...

— Нет, — сказала Гард категорически. — Послушайте, Дрезден, забудьте про Марконе. Это никак с ним не связано. На сегодня мой рабочий день окончен.

Я смотрел на неё около минуты, стараясь не замечать то, что белая рубашка, которую она одела под пиджак, под дождем стала практически прозрачной. Она говорила искренне, что практически ничего не значило. Я научился доверять моему здравому смыслу, когда это связано с блондинками. Или брюнетками. Или с рыжими.

— Что вы хотите? — спросил я её.

— Почти то же самое, что и вы, — ответила она. — Вы хотите девушку, я хочу то существо, которое похитило её.

— Почему?

— У девушки нет времени, чтобы вы поиграли в двадцать вопросов, Дрезден. Мы

можем помочь друг другу и спасти её. Или она умрет.

Я глубоко вздохнул и кивнул.

— Я слушаю.

— Я потеряла след в дальнем конце этой улицы, — махнула она головой. — Очевидно, вы — нет.

— Да, — кивнул я. — Давай перейдем к той части, где вы говорите, как вы можете помочь мне.

Молча, без единого слова, она открыла рюкзак и достала оттуда (на полном серьезе — я не шучу) двухлезвийный боевой топор, который должно быть весил пятнадцать фунтов. Она положила его на одно плечо.

— Если вы отведете меня к гренделькину, я займусь им, пока вы спасете девушку.

— Гренделькин? Что такое, черт побери, этот гренделькин?

Не поймите меня неправильно — я чародей. Я знаю про сверхъестественное. Я мог бы заполнить несколько записных книжек названиями враждебных существ и созданий, которые я могу узнать. Но с этими знаниями есть одна проблема. Чем больше ты знаешь, тем яснее ты понимаешь, как много еще предстоит выучить. Сверхъестественный мир больше, значительно больше материального мира и человечество в нём в явном меньшинстве. Я мог бы изучать новых тварей до тех пор, пока не упал бы мертвый от старости — через несколько столетий от сегодняшнего дня, и все еще не знал бы и четверти из них.

Это существо было мне неизвестно.

— Дрезден, сейчас каждая секунда имеет значение, — сказала Гард. Под спокойной маской её привлекательного лица, я чувствовал тень тревоги и спешки.

Пока я осознавал это, раздался резкий, щелкающий звук, словно кусок битого кирпича или камня сорвался с кровли крыши и упал на землю.

Гард молниеносно повернулась, становясь в боевую стойку. Она перехватила топор двумя руками перед туловищем и приняла оборонительную позицию. Упс.

Я видел, как Град, не моргнув глазом, схватилась с некромантом мирового класса и её ручным вурдалаком. Что же, черт побери, могло её так напугать?

Она медленно расслабилась и опустила топор, выходя из стойки, потом покачала головой и что-то пробормотала себе под нос, прежде чем снова повернуться ко мне.

— То, что может случиться с этой девушкой... Вы не представляете. Такое не должно ни с кем случаться. Поэтому я прошу вас. Помогите мне, пожалуйста.

Я вздохнул.

Вот проклятье.

Она сказала — пожалуйста.

Дождь ослабил поисковое заклинание на моём амулете и смысл запах гренделькина, а так же психический след оставленный ужасом Элизабет. Но, несмотря на это, нам с Мышем удалось найти то место, где плохой парень, образно говоря, ушел под землю. След заканчивался у двери ведущей в подвал позади здания на восточной стороне Вриглей Филд, под подвесной железной дорогой, вблизи станции Эддисон. Двери были старыми и выглядели так, словно спаялись вместе от ржавчины. Вокруг них был металлический забор. Надписи на нем гласили, что это опасная территория и надо держаться от неё подальше. Вы знаете, это является хорошим советом для ищущих неприятности болванов и мягкосердечных чародеев с ноющей головной болью. Совет, который они всегда игнорируют.

— Ты уверен? — спросил я Мыша. — Он прошло здесь?

Мыш покружил возле забора, пригнувшись к сухой земле укрытой от дождя проходящей над головой железной дорогой. Потом он подошел к двери и зарычал.

Амулет слабо откликнулся, гораздо меньше, чем несколько минут назад. Я нахмурился и сказал.

— Он спустился вниз под землю, но после этого направился на север.

Гард прорычала:

— Дерьмо.

— Дерьмовенько, — согласился я.

Гренделькин укрылся в Преисподней.

Чикаго старый город — по крайне мере по американским стандартам. Он бывал несколько раз затопленным, полностью сожженным, был отстроен и перестроен. Новые постройки в городе стоились на высоте десяти, а то и двадцати футов над первоначальным уровнем земли, в то время как старые здания погружались в болотистую почву вокруг озера Мичиган. Огромное множество различных систем туннелей пронизывают пространство под ним. Никто точно не знает, как много различных коридоров и помещений создали люди специально или по нелепой случайности. И поскольку большинство людей воспринимают все сверхъестественное как розыгрыш, никто не заметил всю ту дополнительную работу, которую проделала нежить.

Преисподняя начиналась примерно там, где заканчивалось обычное передвижение по пассажирским и коммуникационным туннелям, там, где секции потолка и стен регулярно обваливаются, и куда люди с хорошим чувством самосохранения и не подумают пойти. Оттуда, где с каждым шагом становится все темнее и холоднее. И где чем дальше ты заходишь, тем больше вероломных и ревностно охраняющих свою территорию обитателей живущих там поджидает тебя в темноте.

Посещение Преисподней больше похоже на самоубийство, чем на разведку, поэтому те, кто делает это, заслуживают премию Дарвина. Умные люди не хотят туда. Гард прорубила топором широкое отверстие, и мы направились вниз в темноту по потрескавшейся старой бетонной лестнице.

Я прошептал слово, направив небольшое усилие воли и мой амулет начал светиться слабым сине-белым светом. Свет тускло освещал туннель. Я надеялся, что достаточно, для того чтобы никто не подкрался к нам незамеченным. Гард достала из рюкзака маленький, красно светящийся фонарик, как запасной источник света. Это заставило меня почувствовать себя немного лучше. Когда вы под землей, уверенность в том, что у вас есть свет, почти так же важна, как и воздух для дыхания. Это означало, что она знала, что делала.

Коммуникационный туннель, по которому мы шли, вел через несколько ветхих комнат, которые находились примерно на первоначальном уровне дороги, до того как она была поднята. Мыш шел первым, сразу позади него следовал я с посохом и амулетом. Гард была замыкающей, шагая легко и осторожно.

Мы шли около десяти минут, через труднопроходимые проходы. Нам пришлось преодолеть туннель, заполненный на полтора фута ледяной стоячей водой. Мы дважды спускались еще глубже под землю, и я стал беспокоиться о том, смогу ли отыскать обратный путь. Спелеология достаточно опасна сама по себе, и без тех существ, которых можно описать с помощью слова «хищный».

— Этот гренделькин, — сказал я. — Расскажите мне про него.

— Вам не нужно это знать.

— Черта с два, — возмутился я. — Если вы хотите, чтобы я помогал вам, вы должна помочь мне. Скажите мне, как мы может прикончить это существо.

— Мы не может, — ответила она спокойно. — Я смогу. Это все что вам надо знать.

Подобное пренебрежение задело меня. Согласен, я сам проделывал это с окружающими меня людьми миллион раз, в основном, чтобы защитить их, но осознание того, что так поступают с тобою, не слишком поднимает настроение. Какая ирония.

— А если он вместо этого уделает Вас? — спросил я. — Я бы не хотел оставаться в полном неведении, если он последует за мной и девушкой и мне придется сражаться.

— Это не должно стать для меня проблемой.

Я остановился, преграждая ей путь.

Она уставилась на меня, подняв брови. Где-то поблизости капала вода. Вокруг нас раздавался слабый грохот — должно быть поезд ехал по подвесным путям над нами.

Она поджала губы и кивнула, соглашаясь на небольшую уступку.

— Это потомок Гренделя.

Я пошел дальше.

— Ничего себе. Грендель и Беовульф? И это действительно произошло, как в сказке? — спросил я.

— Банально, — вздохнула Гард. — Прежде чем Беовульф встретился с ним в Хеороте, Грендель уже выкрал несколько женщин в свои предыдущие визиты. Он оставил в них свое отродье.

Тьфу! — сказал я. — А я думал, они делают крем из этого сейчас.

Гард косо посмотрела на меня.

— Вы не имеете ни малейшего представления, о чем говорите.

— Без шуток, — сказал я. — Это уточняющий вопрос.

— Вы знаете все, что вам надо знать.

Я проигнорировал это заявление и чувства связанные с ним. Хороший частный детектив чрезвычайно профессионально задает вопросы. Если я продолжу их задавать, то непременно получу на некоторые из них ответы.

— Вернемся назад к пабу, там было несколько сбоев с электричеством. Это существо использует магию?

— Не так, как это делаете вы, — ответила Гард.

Вот видите. Ответ. Чрезвычайно расплывчатый, но ответ. Я настойчиво продолжил.

— Тогда как?

— Гренделькины очень сильны, — пожала плечами Гард. — Быстрые. И они могут исказить восприятие людей вокруг.

— Исказить, как?

— Это заставляет людей не замечать их, или же видеть крайне смутно. Иногда изменяют внешность. Это позволяет им подобраться поближе. Иногда это может вызвать неполадки с техникой.

— Магия завесы. Иллюзии. Был там, сделал это. — Сказал я задумчиво. — Мак сказал, что было два сбоя в работе электричества. Есть какая-нибудь причина, по которой это существо может захотеть украсть кегу с пивного фестиваля?

Гард пристально посмотрела на меня.

— Кегу?

— Это та причина, из-за которой эти придурки на улице были так расстроены, — пояснил я. — Кто-то украл их бочонок.

Гард выплюнула слово, которое, наверное, заглушили бы, если бы она его произнесла на каком-нибудь скандинавском ток-шоу.

— Какой отвар?

— А? — не понял я.

— Какой вид напитка был в кеге?

— Как, черт побери, я могу это знать? — возмутился я. — Я никогда даже не видел её.

— Проклятье.

— Но... — я почесал нос, размышляя. — На вывеске над его столом была нарисована маленькая пчела, викинг, и оно называлось «Каиново Обалденное».

— Пчела, — сказала она, её глаза ярко сверкнули. — Вы уверены?

— Ага.

Она снова прошипела.

— Медовуха.

Я удивленно посмотрел на неё.

— Это существо стащило кегу с медовухой и девушку? Подразумевается, что ей отведена роль... блюда с орешками на баре или что-то на подобие?

— Оно не собирается съесть её, — ответила Гард. — Ему нужна медовуха по той же причине, по которой нужна и девушка.

Я немного подождал, надеясь услышать подробности. Но она ничего не сказала.

— Я все больше склоняюсь к мысли продолжить игру в одиночку, — сказал я ей, — но я спрошу еще раз — зачем ему нужна девушка?

— Размножение.

— Спасибо, теперь я все понял, — я кивнул. — Это существо предполагает, что ей надо дойти до состояния «не бывает некрасивых, бывает мало спиртного»? А потом уже переходить непосредственно к процессу?

— Нет, — коротко ответила Гард.

— Ах, да! Правильно, потому что это не человек. Это существо само хочет набраться до состояния «не бывает некрасивых, бывает мало спиртного»?

— Нет, — повторила Гард резко.

— Я понял. Медовуха нужна только для создания подходящей атмосферы. Может быть, оно еще захватило несколько CD с лаунж музыкой?³

— Дрезден, — раздраженно прорычала Гард.

— Everybody needs somebody sometime, — напел я фальшивя.

Гард остановилась и посмотрела на меня. В её бледно-голубых глазах застыло ледяное бешенство. Её голос стал грубее.

— Не у всякой беременной женщины потомство прокладывает свой собственный путь из материнской утробы, убивая её при этом.

Видите, еще один ответ. Хотя это было резче, чем я предпочитал.

Я прекратил напевать и почувствовал себя немного бесчувственным.

— Они одиночки, — продолжила Гард ужасающе холодным и спокойным голосом, — В большинстве случаев, они выкрадывают жертву, насилуют её, потом разрывают на части и поедают. У конкретно этого на уме, что-то большее. Должно быть, что-то в медовухе сделало его способным к размножению. Он собирается оплодотворить её. Создать еще одного из своего рода.

Мне на ум пришла мысль.

— Кто из людей держит привязанную инструкцию к гормональным препаратам от беременности? Тот, кто никогда их не принимал до последнего времени.

— Она девственница, — убежденно сказала Гард. — Для размножения Гренделькину необходима девственница.

— Редкий товар в наши дни, — пробормотал я.

Гард, рассмеявшись, горько произнесла:

— Поверьте мне, Дрезден. Подростки всегда были подростками. Бурлящие гормоны, любопытство, и полное игнорирование последствий их действий. Никогда не было избытка товаров в магазине девственниц. Ни в Викторианские времена, ни в эпоху Ренессанса, ни во времена битвы при, ни сейчас. Но даже если сейчас в эту эпоху их в десять раз меньше, все еще остаётся больше девственниц для выбора, чем в любое другое время в истории. — Она покачала головой. — Сейчас так много людей.

Мы прошли несколько шагов.

— Интересное наблюдение, однако, — сказал я. — Вы говорили о тех времена так, как будто были их очевидцем. Вы ожидаете, что я поверю, что вам около тысячи лет или того больше?

— Неужели это так невероятно? — спросила она, улыбаясь.

Она уделаала меня. Множество сверхъестественных существ бессмертны, или очень близки к этому. Даже у смертных чародеев есть в запасе три или четыре столетия. С другой стороны, я редко видел бессмертных, которых мои чувства чародея настолько ощущали людьми.

Я несколько секунд внимательно смотрел на неё, а потом признался:

— Вы выглядите чересчур хорошо, чтобы это было правдой. Я бы предположил, что вам где-то около тридцати.

³ Термин в популярной музыке для обозначения лёгкой, фоновой музыки.

Её зубы блеснули в тусклом свете.

— Я думала, что в нынешние времена принято говорить более вежливо и предположить что мне около двадцати пяти.

— Я и любезность никогда не были близки друг с другом.

Гард согласно кивнула головой.

— Именно это мне в вас и нравится. Вы говорите то, что думаете. Вы человек действия. Это большая редкость сегодня.

Я шел ведомый заклинанием, стараясь соблюдать тишину, до тех пор, пока Мыш принохивающийся к невидимому следу не остановился, издав невнятный грудной звук. Я поднял вверх руку в знак остановки движения. Гард бесшумно подошла и стала рядом.

Я наклонился к собаке и спросил:

— В чем дело, малыш?

Мыш, принохиваясь, пристально смотрел вперед, его нос подрагивал. Потом он шагнул и поскреб лапой пол возле стены.

Держа свет в руке, я последовал за ним. На влажных камнях пола было несколько пучков сероватой шерсти. Я задумчиво прикусил губы и приподнял свет, чтобы осмотреть стену. Она была покрыта длинными, не широкими — с ноготь большого пальца, но очень глубокими царапинами. Трудно было разглядеть, на какую глубину нанесены эти царапины.

Гард подошла ближе и заглянула мне через плечо. Запах ее духов (какой-то цветок, который я не узнал) проникнув сквозь запахи извести и плесени приятно отвлекал внимание.

— Что-то острое сделало это, — прошептала она.

— Ага, — сказал я, собирая шерсть. — Покажите свой топор.

Она молча протянула мне его. Я положил шерсть на кромку лезвия. Она почернела и съежилась, скрутившись в спираль, как только коснулась его, добавив запах жженных волос в этот коктейль.

— Чудесно, — вздохнул я.

Гард удивленно приподняла брови и посмотрела на меня.

— Фейри?

Я кивнул.

— Малки. Несомненно.

— Малки?

— Зимние фейри, — пояснил я. — Кошачьи. Размером примерно с рысь.

— В таком случае ничего стального они не смогут вынести, — сказала она повеселевшим голосом.

— Ага, — сказал я. — Вы, наверное, сможете справиться с полудюжиной.

Она кивнула, агрессивно взмахнула топором и повернулась, чтобы продолжить путь вглубь туннеля.

— Вот почему они собираются в стаи по двадцать особей, — добавил я, когда она сделала несколько шагов.

Гард остановилась и недовольно посмотрела на меня.

— Это называется делиться информацией, — сказал я, показывая на стену. — Это территориальные метки независимого прайда. Малки сильнее природных животных, быстрее. Когда они хотят остаться незамеченными они становятся, практически невидимы и их когти острее и прочнее хирургической стали. Я видел однажды, как малк распустил на полосы алюминиевую битку. И, если этого недостаточно, они умные. Умнее некоторых людей, которых я знаю.

— Между двух огней, — прошипела Гард тихо. — Вы сможете справиться с ними?

— Они не любят огня, — сказал я. — Но в таком ограниченном пространстве как это, я тоже не очень его люблю.

Гард кивнула.

— Мы сможем договориться с ними? — спросила она. — Оплатить проход?

— Они держат своё слово, как любые фейри, — я пожал плечами. — Если ты сможешь

заставить их дать его. Но представьте, как коты наслаждаются охотой, даже тогда, когда они не голодны. Подумайте про то, как они играют со своими жертвами. Потом собери этот маленький, радостный инстинкт убийцы от каждого кота в Чикаго и помести это все в одного малка. Они среди котов то же самое, что Ганнибал Лектор среди людей.

— В таком случае торговаться — не вариант.

Я покачал головой.

— Я не думаю, что у нас есть, что предложить им. То чего они захотели бы больше, чем наших криков и крови.

Гард кивнула, нахмурившись.

— В таком случае лучше всего, если они вообще не будут знать про нас.

— Хорошая мысль, — сказал я. — Но у этих существ кошачьи чувства. Я, наверное, смогу спрятать нас от их слуха или их зрения. Но они все еще смогут учуять нас по запаху.

Гард нахмурилась и полезла в карман пиджака, извлекая оттуда тонкую коробочку из старой, бледной слоновой кости. Она открыла ее, и начала осторожно доставать оттуда маленькие костяные фишки.

— Фишки для «Скрэббл»? — спросил я. — Я не хочу играть с малками. Они реально плохи в использовании множественных чисел и имен собственных.

— Это руны, — ответила Гард серьезно. Она выкладывала их одну за другой, равномерно дыша и, когда доставала последнюю руну то вынимала её с таким благоговейным почтением, которое я видел только у военных саперов. Держа последнюю костяную фишку перед собой на ладони, она закрыла коробочку и положила в карман.

Я был знаком с древнескандинавскими рунами. Руна же на костяной фишке в её руке была мне абсолютно незнакома.

— Гм. Что это? — спросил я.

— Руна Рутины, — ответила она спокойно. — Вы сказали, что знаете магию иллюзий. Если сможете сделать, чтобы мы выглядели, так же как они хотя бы несколько секунд это должно позволить нам пройти мимо незамеченными, как если бы мы были повседневной частью их дня.

Точнее говоря, я сказал Гард, что я знаком с магией иллюзий, а не знаю ее. По правде говоря, это, пожалуй, моё слабое место. Никто не идеален во всем, не так ли? Я действительно хорош в бум-тарарам магии. Но моё владение иллюзиями эквивалентно возможностям художника, который нарисовал всего несколько картин с чашами фруктов.

Мне оставалось только надеяться, что то чего не знает Гард, не убьет нас обоих. У Элизабет не было много времени, а у меня не было большого выбора. Кроме того, почему мы должны проиграть? Если попытка прокрасться незамеченными провалится, мы можем всегда вернуться к переговорам или драке, не так ли?

Мыш рассудительно посмотрел на меня.

— Отлично, — сказал я. — Так и сделаем.

Хорошая иллюзия — это почти полностью воображение. Вы создаёте картинку у себя в уме, представляете каждую деталь, представляете так сильно, что картинка у вас в голове становится практически реальной, осязаемой. Вы должны увидеть её, услышать её, коснуться её, попробовать её на вкус, понюхать её, привлечь все ваши чувства в эту (теоретически) реальность. Если вы сможете сделать это, если вы сможете поверить в вашу поддельную версию реальности, тогда вы можете направить энергию в неё и создать её в умах и чувствах любого, кто на неё посмотрит.

Для протокола: точно так же все лучшие лжецы и ведут дела — они представляют воображаемые версии вещей настолько непротиворечивыми, что практически верят сами себе.

Я не очень хороший лжец, но я знаю основы работы иллюзии и у меня есть два секретных оружия. Первым была прядь шерсти настоящего малка, которую я мог использовать для большего соответствия моей иллюзии. Вторым был мой приятель — большой серый кот по имени Мистер, который снизошел до того, чтобы разделить его

апартаменты с Мышем и со мною. Мистер не ходит со мной по делам, потому что он выше таких тривиальных материй. Однако он находит мою компанию приятной, когда я дома и не особо верчусь повсюду, за исключение тех случаев, когда меня нет, а он возвращается домой, нагулявшись.

Сжав шерсть малка в руке, я закрыл глаза, как только закончил рисовать мелом круг. Я постарался отчетливо представить себе картинку в голове, беря за модель Мистера. Я видел малков несколько раз — на большинстве из них были такие же отметины, как и боевые шрамы Мистера. Они не выглядели в точности как коты, тем не менее... У них была другая форма головы, и их мех был грубым и плотным. На лапах было больше пальцев, и они были шире, чем у котов, но основа их движения была точно такая же.

— *Noctus ex illuminus*, — прошептал я, как только видение окончательно закрепилось в моих мыслях. Картинка с тремя уродливыми, тощими, покрытыми боевыми шрамами малками, которые идут по собственным тихим мирным делам. Я направил энергию, которая будет питать иллюзию и нарушил круг медленным, аккуратным движением.

— Это уже работает? — просила Гард невозмутимо.

— Да, — ответил я. Мои глаза были все еще закрыты, концентрируясь на иллюзии. Я провел руками вокруг, нащупал широкую спину Мыша и положил одну руку на его холку. — Хватит отвлекать меня. Идем.

— Ладно. — Она сделала короткий вздох, что-то шепнула, а затем раздался треск и вспышка света. — Руна активирована. — Сказала Гард.

Она положила руку мне на плечо. Малки не используют никаких источников света, и если группа иллюзорных малков попытается пройти со светом, это уничтожит весь эффект, который мы старались произвести. Поэтому нам предстояла прогулка в темноте.

— У нас есть около пяти минут.

Я хмыкнул, держась за собаку, и мы начали движение, доверив Мышу выбирать направление. Несмотря на то, что вокруг была темнота, я не рискнул открывать глаза. Любое отвлечение от картинки в моем мозгу способно разорвать иллюзию так же, как ураган разрывает туалетную бумагу. Поэтому я шел, сосредоточившись, и надеялся, черт побери, что это сработает.

Я не мог представить себе, сколько прошло времени, но мы шли, по моим внутренним ощущениям, где-то около получаса. Я как раз собирался спросить Гард, прошли ли мы уже опасный участок, когда нечеловеческий голос не дальше чем в футах от моего левого уха произнес, на ломаном английском:

— Каждый день прибывает всё больше новых когтей. Мы голодны. Мы должны разорвать на лоскутки эту обезьяну и покончить с ним.

Меня это так напугало, что сердце ушло в пятки, но я удерживал картинку у себя в голове. Я слышал прежде, как говорят малки. Их странное произношение слов, тревожные интонации и звук только усилили картинку в моей голове.

Повсюду вокруг нас раздался целый хор голосов произносящих поддерживающие унижительные заявления. Малки выкрикивали их лениво на исковерканном английском. Их было больше чем двадцать. Это была маленькая орда.

— Терпение, — сказал другой малк. Было ясно, что эта беседа повторялась уже множество раз. — Пускай обезьяна думает, что ему удалось привлечь нас, как обычных сторожевых собак, чтобы мы охраняли вход. Он охотился на территории чародея. Чародей придёт, чтобы встретиться с ним. Эрллинг⁴ хорошо отблагодарит нас и будет благосклонен к нам, когда мы принесем ему голову чародея.

Боже. Я почувствовал себя знаменитым.

— Я устал от ожидания, — возразил еще один малк. — Давайте убьем обезьяну и его добычу, а потом поохотимся на чародея и прикончим его.

— Терпение, охотники. Он сам перейдет к нам, — сказал первый голос. — Обезьянья

4 Повелитель «Призрачной охоты» см. «Барабаны зомби».

суета привлечет его, после чего мы повергнем чародея. — Оттенки удовольствия безошибочно слышались в его голосе. — И его маленькую собачку тоже.

Мышь беззвучно, вибрирующее зарычал. Я смог, откровенно говоря, почувствовать это только потому, что прикасался к его спине. Он, тем не менее, продолжил путь, и мы вышли из длинного туннеля, оккупированного малками. Это было бесконечное множество минут и несколько поворотов, прежде чем Гард облегченно выдохнула сквозь зубы:

— Их было больше, чем двадцать.

— Точно, я тоже заметил это.

— Я думаю, мы миновали их.

Я вздохнул и, вызывая вновь тусклый свет из моего амулета, развеял магию, которую удерживал в голове. Или попробовал развеять, во всяком случае. Я открыл глаза и моргнул несколько раз. Моя голова была похожа на один из тех телевизоров в универмаге, на котором зависла картинка, из-за чересчур долгого просмотра. Я смотрел на Мыша и Гард, но видел диких, с приплюснутой головой малков. Последствия иллюзии, которую я представлял вокруг них с таких усердием.

— У Вас есть еще одна из этих рунных штучек? — спросил я.

— Нет.

— Нам придется быть очень изворотливыми на пути назад, — сказал я.

— Об этом пока нет нужды волноваться, — безразлично произнесла Гард, начиная идти вперед.

— Уверен, что есть. Когда у нас будет девушка, нам нужно будет выбирать вместе с ней. Господи, вы никогда ничего не читали из творчества Джозефа Кемпбелла?⁵

Она пожала одним плечом.

— Гренделькин — это сложный и тяжелый противник. Так что одно из двух, мы или умрём, или нет. Так что шансы пятьдесят на пятьдесят, что нам придется волноваться насчет малков на обратном пути. Зачем тратить на это силы, если мы еще не знаем, будет ли это необходимо?

— Можете звать меня сумасшедшим, но я обнаружил, что когда я размышляю над серьезными вещами, например о том, как выбраться на поверхность, это делает проще управление маленькими вещами. Например, как не сбить дыхание.

Она подняла вверх руку и сказала:

— Погодите.

Я, прислушиваясь, замер. Мышь, принюхиваясь к воздуху, остановился, его уши крутились, как два маленьких радара, но он не подавал знака, что заметил поблизости опасность.

— Мы близко к его логову, — прошептала она.

Я удивленно приподнял брови. Туннель выглядел точно так же, как и тот, по которому мы шли несколько минут назад.

— Откуда вы это знаете?

— Я могу это чувствовать, — ответила она.

— Вы можете чувствовать?

Она двинулась вперед.

— Да. Это так я узнала, что он начал передвигаться по городу.

Я усмехнулся.

— Было бы очень мило, если бы вы заранее поделилась этой информацией.

— Уже недалеко, — сказала она. — Мы должны успеть вовремя. Идем быстрее.

Я почувствовал, как мои брови поднимаются вверх. Мышь превосходил нас двоих, когда дело касалось чисто физического восприятия, но он не показывал, что обнаружил что-то враждебное впереди. Мои собственные чувства были настроены на восприятие всех видов сверхъестественных энергий и с тех пор, как мы спустились в Преисподнюю, я держал их

5 Американский исследователь мифологии.

настороже. Я не чувствовал активности любого вида, которая могла бы ощущаться как враждебное присутствие.

Если знание — это сила, то невежество — это слабость. При моей работе, невежество может вас убить. Гард ничего не сказала про мистическую связь между ней и этой бестией, но это наиболее вероятное объяснение того, как она может ощутить его присутствие, когда я этого не мог сделать.

Проблема была в том, что подобные виды связи по определению не могут работать в один конец. Если она может чувствовать гренделькина, было бы странно, если он, в свою очередь, не мог чувствовать её.

— Ох, подождите, — пробормотал я. — Если это существо знает, что мы приближаемся, мы же не хотим бежать вслепую?

— Нет времени. Оно почти готово к спариванию. — Раздражение рычащими нотками скользило в её голосе, Она взяла топор наизготовку и достала из рюкзака то, что выглядело как осветительный патрон, после чего отбросила рюкзак в сторону.

Затем она запрокинула назад голову и издала крик чистого, злого вызова. Звук был такой громкий, такой дикий и неукротимый и такой примитивный, что его было неожиданно услышать от человека. В нем не было слов, но это, без сомнения был вызов. В ее крике слышалась безудержная ярость, презрения к опасности, к жизни... и к смерти. Этот боевой клич пробрал меня до дрожи, а ведь он даже не был направлен в мою сторону.

Гард зажгла свет резким поворотом запястья и оглянулась на меня через плечо. Зловещие зеленые отблески играли на её лице, создавая причудливые тени. Её ледяные глаза были широко открыты, губы сжаты в бледном ободке улыбки, такой узкой, что кровь отлила от них. Ее голос вибрировал и вызывал дрожь:

— Достаточно разговоров.

Святой Шварценеггер.

Гард была психом.

Это было реакцией не на хладнокровного, здравомыслящего профессионала, которого я видел работающим на Марконе. На самом деле я никогда не видел никого из настоящих, старой закалки, берсерков. Но этот крик.... Это было как эхо, прозвучавшее через столетия из глубины веков — из древнего, жестокого мира давно затерянного в тумане времени.

И внезапно у меня не осталось никаких проблем с тем, чтобы поверить в её возраст. Она стояла готовая сорваться в бой — слегка покачивая топор в правой руке, держа пылающую звезду патрона в левой. Гард издала другой пронзительный крик баньши, одновременно двигаясь дальше. В бессловесном крике вызова гренделькину, явно озвучивая свои намерения лучше любого количества выражений: «Я иду убить тебя».

Впереди в туннеле, что-то большое, гораздо больше, чем Гард, ответило ей глубоким, грудным, басистым рёвом, который сотрясал стены: «Приди и попробуй!»

Мои колени начали дрожать. Блин, даже Мыш остановился, слегка припав к земле с ушами, прижатыми к голове, низко повисшим хвостом. Я сомневаюсь, что выглядел более бесстрашным, чем он, но я заставил свои мозги снова заработать, выплюнул прочь нервную дрожь, и поспешил за Гард.

Может быть, это была тупая идея бросаться головой вперед, но было бы еще худшей идеей стоять поблизости и ничего не предпринимать, упуская шанс воспользоваться той помощью, которую мне удалось получить. Как бы то ни было, но я согласился работать с Гард, и не мог позволить ей войти с неприкрытой спиной.

Так что я бросился сломя голову вниз по туннелю, к источнику ужасающего рёва. Мыш, более благоразумный, чем я, колебался несколькими секундами дольше, потом склонился к тому, чтобы последовать за нами. Догнав и немного опередив меня, он побежал шаг-в-шаг со мною. Мы преодолели около двадцати ярдов по туннелю, прежде чем его дыхание начало вырываться наружу в рыке чистой, откровенной враждебности, и он издал свой собственный вызов на битву.

Мда, когда ты в Киммерии,⁶ надо делать так, как делают киммерийцы. Я тоже заорал. Мой крик растворился среди других эхо, блуждавших по туннелю.

Гард, бежавшая на расстоянии десяти шагов впереди меня, ворвалась в помещение. Она буквально бросила свое тело в прыжок, растворяясь в воздухе и исчезая из виду. Ушедший вниз зеленый свет осветительного патрона показал мне, что туннель заканчивался помещением размером с маленький отельный атриум.⁷ Если бы Мышь не остановился и не оглянулся на меня, я бы, наверное, соскользнул с выступа прежде, чем смог затормозить. Наверняка, я бы очень хорошо смотрелся, размазанный по влажному каменному полу, который находился как минимум в тридцати футах подо мной.

Гард приземлилась на ноги, сразу же гася инерцию кувырком, и волосатое расплывчатое пятно размером с промышленный холодильник, с кашляющим рёвом пролетело мимо нее, ударяясь в стену и вызывая дрожь.

Женщина с золотыми волосами подпрыгнула вверх, оттолкнулась от стены, подскочив еще выше, и приземлилась на ноги, высоко подняв топор. Она уронила патрон на пол и, это дало мне возможность хорошо осмотреть место и все предметы в нём.

Прежде всего, помещение, пещера, чем бы оно не было — было огромным. Тридцать футов от пола до потолка и, по меньшей мере, около тридцати футов в ширину. Его длина терялась в темноте, далеко вдали за кругом света, созданным патроном. Большинство стен было из природного камня. На некоторых поверхностях были видны следы грубой обработки ручными инструментами. С-образный выступ около двух футов шириной вдавался в комнату почти под потолок. Я отошел чуть дальше вниз, к пещере. Там были ступени, вырезанные в стене чуть ниже меня — если только можно назвать лестницей двадцатидюймовые выступы, через каждые несколько футов грубо вырубленные в камне.

Я бросил взгляд через пещеру вниз. Гигантская груда газет, одеял, окровавленной одежды, и неидентифицируемых ошметков ткани, должно быть, служила гнездом или постелью для этого создания. Она была около трех футов в толщину в центре, и около десяти или двенадцати футов в диаметре. Горка костей, поблизости, приближалась к большой. Старые кости начисто очищенные от мяса блестели в зловещем свете патрона. Несмотря на это горка кишмя кишела крысами и паразитами, мерцающих красными глазами всевозможных размеров.

Огромный камень размещался в центре пола. Металлическая пивная кега стояла наверху него, между широко раздвинутыми и привязанными ногами довольно привлекательной обнаженной молодой девушки. Она была привязана грубыми веревками, прямо поверх толстого слоя старых кровоподтеков, которые делали поверхность камня практически резиновой. Её глаза были широко раскрыты, лицо покраснело от слез. Она кричала.

Гард закрутила топор перед собою в серии пугающих дуг, превращая его в большую мохнатую кляксу. Я не представлял, что она может двигаться так быстро, чтобы держаться наравне с этим существом. Они оба двигались со скоростью актеров в фильмах про кун — фу. Один из ударов Гард должно быть задел его, потому что раздался глухой рев бешенства, и гренделькин исчез в тених там, куда не доставал свет от патрона.

Гард издала разочарованный вой. Наконечник её топора был испачкан в черной жидкости, и когда она растеклась по лезвию, замерцали серебристые огоньки, сложившиеся в очень странные руны.

— Чародей! — закричала она. — Мне нужен свет!

Я уже как раз делал это, подняв амулет выше над головой и направляя в него больше силы. Тусклый волшебный огонек вспыхнул раскаленным пылающим светом, осветив как минимум сотню футов длинного штрека и вызвав пронзительный крик боли и удивления у

⁶ Вымышленная земля, родина Конана-варвара.

⁷ Закрытый внутренний дворик в центре древнеримского жилища, куда выходили остальные помещения.

грнделькина.

Я наблюдал его около пары секунд — чуть согнувшегося, с одной поднятой рукой, чтобы защитить глаза. Грнделькин был покрыт, должно быть, четвертью тонны мускулов, и ногти на его пальцах рук и ног были черные и опасно выглядевшими. Он был большим, девять или десять футов ростом и покрытый волосами. Не шерстью, как медведи или собаки, а волосами, человеческими волосами, с бледной кожей виднеющейся под ними, так что впечатление он производил скорее, как очень волосатый человек, а не как животное.

Определённо мужчина. Пугающе так... Я видел меньше огнетушители. И судя по внешнему виду, мы с Гард прервали его на середине прелюдии.

Не удивительно, что он недоволен.

Гард увидела грнделькина и бросилась вперед. Я увидел шанс внести свой вклад в общее дело. Подняв посох и, направив его в существо, я с волевым усилием прорычал:

— Fuego!

Мой посох был важным приспособлением, позволяющим мне фокусировать и направлять энергию гораздо более точно и с большей концентрацией, чем я мог направить без него. Он не служил для управления огнем так же хорошо, как мой любимый боевой жезл, но для этой цели он подойдет просто отлично. Столб золотого пламени, шириной с бочонок для виски, пролетел через штрек, и вонзился грнделькину в голову и верхнюю часть туловища. Луч был слишком расфокусированный, чтобы убить грнделькина немедленно, но я надеялся, что этого будет достаточно, чтобы ослепить его и дезориентировать на время достаточное, чтобы Гард смогла нанести смертельный удар.

Грнделькин опустил руку, и я увидел короткую вспышку желтых глаз, мерзкое лицо и полный рот клыков. Его зубы обнажились в улыбке и я понял, что мог с таким же успехом ударить его струёй воды из садового шланга, судя по тому какой эффект на него оказало пламя. Он шевельнулся, и резко подняв массивные руки, швырнул в меня камень. Поверьте мне, таланты грнделькина бездумно растрачивались в похитительно-изнасилово-пожирательной индустрии. Ему следовало бы быть профессиональным игроком в американский футбол.

Пока я сознавал, что в меня летит камень, он уже ударил меня. Это был короткий хруст в левом плече и волна агонизирующей боли. Что-то швырнуло меня на землю, выбив воздух из легких. Мой амулет выпал из онемевших пальцев, и бриллиантовая звезда света умерла в одночасье.

Проклятье, я предполагал, что такой большой и страшный противник просто обязан быть тупым, но это явно не касалось грнделькина. Он выждал, пока Гард покинет круг света от лежащего патрона, прежде чем метнул камень.

— Чародей! — закричала Гард.

Я не мог ничего рассмотреть. Короткая вспышка яркого света ослепила мои глаза, Гард была не в лучшем положении из-за резкого перепада освещения. Я поднялся на ноги, стараясь не закричать от боли в плече и шатаясь, подошел, чтобы посмотреть вниз на комнату.

Грнделькин заревел, и женщина закричала — на этот раз от боли. Раздался звук тяжелого удара, и Гард с пустыми руками неясной тенью пролетела через круг зеленого света. Она ударилась о стену с неприятным, тяжелым звуком.

Это все случилось так быстро. Адские колокола! Но здесь я играл не в своей лиге.

Я повернулся к Мышу и прошептал инструкцию. Мой пес посмотрел на меня, прижал уши к голове и не двинулся с места.

— Иди, — закричал я на него. — Вперед, вперед, вперед!

Мыш развернулся и поплелся по тому пути, откуда мы пришли.

Гард упала на пол подо мною, слабо шевелясь возле кромки тусклого света, создаваемого патроном. Я не мог сказать, настолько тяжело она была ранена — но я знал, что если я ничего не предприму до того, как грнделькин прикончит её, ей уже никогда не станет лучше. Я слышал, как в отчаянье рыдала Элизабет.

— Давай же, Гарри, — сам себе прорычал я. — Придумай что-нибудь.

Я мог еле-еле двигать левой рукой, поэтому схватил посох в правую руку и начал спускаться по ненадежной каменной лестнице.

Из крошечной тьмы раздался смех. Это был глубокий голос — сильный, сочный и спокойный. Он заговорил с отчетливым, правильным произношением.

— Гаутская сучка, — проворчал гренделькин. — Это наиболее веселое из того, что случалось со мною за столетия. Блин, но я бы хотел, чтобы немного больше Выбирающих ходили по свету. Вы вымирающий вид.

Я с трудом мог рассмотреть при свете патрона эти проклятые ступеньки под ногами. Моя нога соскользнула, и я почти упал.

— Заклинатель? — спросил гренделькин.

— Ваше здоровье, — буркнул я.

Его голос прозвучал от дальнего конца светового круга, и я остановился. Желтые глаза гренделькина светились злобой и голодом. Он медленно поигрывал когтистыми руками, обнажив зубы в улыбке. У меня во рту резко пересохло, ноги начали дрожать. Я видел, как он двигается. Если он двинется ко мне, все может обернуться очень скверно.

Зачеркните это. Если он двинется ко мне, все точно обернется очень скверно.

— Это огнетушитель у тебя в кармане?⁸ — спросил я, внимательно его изучая. — Или ты просто так рад меня видеть?

Улыбка гренделькина стала еще шире.

— Больше склоняюсь ко второму. У меня будет в скором времени запас еды на два месяца. Что же она пообещала тебе? Как она одурачила тебя, чтобы ты пошел вместе с нею?

— Ты заблуждаешься. Это я разрешил ей следовать за мной, — сказал я.

Раздался тихий, ленивый, злобный смех гренделькина. Это было адски жутко, слышать такой благородный голос из такой упаковки, как эта.

— Ты думаешь, ты угроза для меня, маленький человек?

— А ты думаешь, нет?

Гренделькин лениво поднял когтистыми пальцами одной руки лежащие поблизости от него камни. Маленькие булыжники прыгали на его ладони туда-сюда.

— Я научился отражать магию заклинаний раньше, чем покинул Старый Свет. Учитывая это, ты не больше чем обезьянка с палкой. — Он помолчал и добавил, — К тому же очень слабая и неуклюжая обезьянка.

— В таком случае у такого большого парня как ты, не должно возникнуть никаких проблем с маленьким, потрепанным мною, — сказал я. У него были странные глаза. Я никогда не видел ничего похожего на них. Его лицо, несмотря на отталкивающий вид, было похоже на нормальное человеческое лицо. — Я догадываюсь, тебя объединяет какая-то история с миссис Гард.

— Семейная вражда всегда наихудшая, — кивнул гренделькин.

— Приходится верить тебе на слово, — сказал я. — Я хотел только забрать женщину. И я бы предпочел сделать это миролюбиво, чем идти по трудному пути. Твой выбор. Лучше уйди, большой парень. И мы оба будем счастливы.

Гренделькин уставился на меня, потом запрокинул голову в глубоком, очень задорном смехе.

— Помимо того, что у меня уже есть племенная кобылка и нашлась маленькая кошечка для игр, так же у меня есть и клоун. Это практически фестиваль какой-то.

И, сказав это, гренделькин атаковал меня. Мощный кулак, размером с волейбольный мяч, задел мое лицо. Я был достаточно быстр, чтобы с трудом, но ускользнуть от прямого удара. Я бросился на пол штрека, с трудом дыша из-за боли, которая раскаленными

⁸ Этот вопрос является переделкой знаменитой фразы Мэй Вест из фильма «Она была права» (1933). В начальном варианте фраза звучала так: «Это у тебя пистолет в кармане или ты просто так рад меня видеть?» Американцы обожают ее всячески переделывать. (Пояснение взято из перевода Юлиетты, «Маленькое одолжение»).

уголками пронзила моё плечо. Кузнечный молот из мяса и костей с ломким, хрустящим звуком вмялся в стену, где я недавно стоял. Осколки разлетающихся камней ужалили меня в щеку.

Это до чертиков испугало меня, что было мне только на руку. Страх — это прекрасное топливо для некоторых видов магии. И убирайся-к—черту-от-меня поток сырой силы, которую я спустил с привязи на гренделькина, той силы, при помощи которой я опрокидывал припаркованные машины на другую сторону улицы и пробивал стены зданий.

Гренделькин все-таки не шутил про знание контрмагии. Вся эта голая сила ударила его и, так сказать, обтекла его, как вода огибает камень. Это только оттолкнуло его на пару шагов, что было достаточно для того, чтобы я стал на одно колено и направил свой посох снова. Этот удар нельзя было назвать костедробильным, он был нанесен в полсилы и из немного неустойчивого положения. Но я попал ему в огнетушитель.

Гренделькин завыл примерно на две октавы выше. Я бросился вперед, оббежал вокруг него, направляясь к алтарному камню, на котором лежала беспомощная Элизабет Бреддок. Как можно дальше от Гард. Я хотел, чтобы гренделькин сфокусировал все своё внимание на мне.

Он так и сделал.

— Позади тебя, — закричала Элизабет, её глаза были широко открыты от ужаса.

Я обернулся и почувствовал, как легко гренделькин вырвал посох из моей руки. Что-то похожее на стальные тиски сжалось вокруг моей шеи, и мои ноги оторвались от земли. Гренделькин поднял моё лицо до уровня своих глаз. Его дыхание воняло кровью и гниющим мясом, а глаза сияли от бешенства. Я ударил его, но он держал меня подальше от жизненно важных мест и все мои удары пришлись на его грудь и ребра.

— Я собирался сделать это быстро для тебя, — сквозь зубы прорычал он. — За то, что позабавил меня. Но теперь я собираюсь начать с твоих рук.

Если бы он не стоял именно там, где я хотел, я был бы менее оптимистичен насчет моих шансов на выживание. По крайней мере я сделал то, что хотел. Он повернулся спиной к туннелю.

— Буду отрывать их по очереди, одну за другой, — Он задумался. — В чем, если посмотреть с литературной стороны, присутствует некоторое количество иронии. — Он показал мне еще больше зубов. — Я заставлю тебя смотреть, как я съем твои руки. Я заставлю тебя смотреть, на то, что я сделаю с этими сучками, прежде чем я покончу с тобой.

Молодец, он действительно собирался сделать это.

Он схватил меня за левую руку, и боль из вывихнутого плеча заставила мир вокруг меня побелеть. Несмотря на агонию, я сражался. Я выхватил остроконечную расческу Элизабет Бреддок из кармана плаща и вонзил, как нож для колки льда в предплечье гренделькина.

Он заревел и кинул меня в ближайшую стену.

Это больно. Очень.

Я упал на каменный пол пещеры безвольным хламом. После чего, моё зрение сузилось до туннеля и начало исчезать в темноте. Все это было мне на руку. Оно отвлекало внимание от того, что я собирался сделать. Всё на что я надеялся, это на то, что все совпадет по времени.

Сверху, от входа в туннель пророкотал вниз странный, завывающий шепот, искаженный эхом до полной неузнаваемости.

Разъяренный гренделькин вырвал расческу из своего тела и отшвырнул её в сторону. Он повернул свою отвратительную рожу к источнику звука. Я максимально сосредоточился на заклинании, которое я должен был закончить. Оно было сложнее всего, что я когда-либо делал. У меня не было круга, чтобы помочь мне, множество помех, и абсолютно не предназначенное для этого место.

Странный звук превратился в завывающий хор, словно полсотни цепных пил заработали одновременно, и Мыш вырвался из туннеля с ревущей ордой малков на хвосте.

Мой пес прыгнул в воздух и малки последовали за ним, стараясь не дать ему возможности ускользнуть. Мышь пролетел тридцать футов и с поскуливанием приземлился на огромную кучу сваленных в гнезде вещей. Яростно завывая малки, бросились за ним — дюжины и дюжины злобных глаз сверкали в свете патрона. Некоторые прыгали, некоторые плавно спускались по грубым ступенькам, а некоторые бросались вперед, вонзая когти в дальнюю стену и спускаясь вниз, как пожарные по шесту. Я высвободил заклинание.

— Беспольные паразиты, — прокричал грэнделькин, его голос все еще оставался на октаву выше, чем раньше. Он указал на меня, избито выглядевшего мужчину в длинном кожаном плаще, и проревел, — Убейте чародея или я сожру вас всех до единого!

Малки, сейчас направляемые больше страхом, чем яростью, немедленно толпой кинулись на меня. Я выждал некоторое время, но их было наверное больше, чем три дюжины и кожаный плащ не мог прикрыть меня всего.

Заблестели клыки и когти.

Брызнула кровь.

Малки сошли с ума от жажды крови.

Я закричал, дико дергая обеими руками, убивая малков, но неспособный защитить себя от всех их когтей и зубов. Грэнделькин вновь повернулся к беспомощной Элизабет.

Это было трудной задачей, стараться развязать затянутые веревки, держа в голове наложенную иллюзию. Под мороком, который сделал грэнделькина выглядевшим как я, он яростно дрался, ударяя когтями и расшвыривая атаковавших его малков. Увидев меня в образе грэнделькина, Элизабет снова закричала. Извините. Никакой план не идеален.

— Мышь! — позвал я.

Малк визжа, пролетел над моей головой и разбился о стену.

Мой пес подскочил ко мне, как только я освободил девушку. Я толкнул её к нему и приказал:

— Выведи её отсюда! Беги! Вперед, вперед, вперед!

Возможно, Элизабет не понимала, какого черта тут происходит, но последнюю фразу она поняла достаточно хорошо. Она побежала, направляясь к грубой лестнице. Мышь бежал возле неё и когда малк прыгнул на обнаженную спину Элизабет, мой пес перехватил маленького монстра в воздухе так же четко, словно он ловил фрисби в парке. Мышь зарычал и сжал челюсти всего только один раз. С хорошо слышимым треском шея малка сломалась. Мой пес бросил его и, порываясь, побежал дальше.

Я подхватил посох и подбежал к Гард. Малки пока её не заметили. Они были все еще заняты, совместно нападая на грэнделькина...

Проклятье. Моя концентрация развеялась. Все стало выглядеть самым собой, как до моего вмешательства.

Я повернулся и направил свою силу на гигантскую груды дочиста обглоданных костей. Затем, вытянув посох, сердито проворчал: «Отрази вот это. Forzare!»

Сотни фунтов острых белых костей понеслись в грэнделькина и в окружающих его малков. Я бросил кости изо всех сил, сильнее, чем грэнделькин швырнул в меня каменюку, и осколки вонзились в них, как заряд из огромного дробовика.

Не дожидаясь, чтобы глянуть на результат, я подхватил всё еще горящий патрон и кинул его на гнездо сделанное из утрамбованной ткани, окровавленной одежды и старых газет. Вся насыпь тот час загорелась сердитым пламенем и удушливым дымом.

— Вставайте! — прокричал я Гард. Одна сторона её лица опухла и представляла собой сплошной синяк, у нее явно была сломана рука, а из кожи на предплечье торчала кость. С моей помощью она поднялась, полубессознательная и задыхающаяся от дыма, который расплзался по всей пещере, заглушая свет. Я помог ей добрести до лестницы и даже в нашем избитом состоянии мы установили своего рода рекорд скорости, поднимаясь по ней.

Оглушительный хор ревающего грэнделькина и воющих малков слегка затих, когда дым добрался до них, и они начали задыхаться. Воздух поступал из туннеля, как из огромного дымохода и пламя разгоралось изо всех сил. Я снова зажег амулет, чтобы осветить нам путь.

— Подождите. — С трудом сказала Гард, когда мы прошли пятьдесят футов по туннелю вверх. — Подождите.

Она неуклюже полезла в карман пиджака, где она держала маленькую костяную коробочку, но не смогла достать её из-за сломанной руки. Я достал коробочку для неё.

— Треугольник, на нём три линии, — сказала она, прислоняясь к стене, чтобы не упасть. — Достаньте её.

Я вытянул маленькую костяную фишку, которая подходила под её описание.

— Эту? — уточнил я.

— Осторожнее, — проворчала она. — Это руна Разлуки. — Она взяла её у меня, сделала несколько шагов по направлению к пещере гренделькина, что-то неслышно прошептала и со щелчком бросила фишку. Потом была вспышка глубокого красного света, и туннель затрясся и затрещал.

— Бежим!

Мы так и сделали.

Позади нас туннель с ревом захлопнулся, запечатывая малков и гренделькина, оставляя их пойманными в ловушку удушливого дыма.

Мы остановились спустя мгновение, после того как улеглась пыль, поднятая смыкающимися стенами и звуки голосов разъяренных сверхъестественных существ, отрезало, как если бы кто-то повернул выключатель. Тишина была оглушающей.

Мы оба стояли там, задыхающиеся и израненные. Гард опустилась на пол, чтобы передохнуть.

— Вы были правы, — сказал я. — Я догадываюсь, нам нет нужды волноваться насчет малков на обратном пути.

Гард подарила мне слабую улыбку.

— Это был мой любимый топор.

— Вернитесь за ним, — предложил я. — Я подожду Вас здесь.

Она фыркнула.

Мыш, неуклюжей, шаркающей походкой, спустился к нам сверху из туннеля. Элизабет Брэддок вцепилась в его ошейник, и выглядела сильно смущенной отсутствием одежды.

— Ч-ч-что? — она заикалась. — Что тут случилось? Я н-не понимаю.

— Все в порядке, миссис Брэддок, — сказал я. — Вы в безопасности. Мы собираемся отвести вас обратно к вашему мужу.

Элизабет закрыла глаза, вздрогнула и начала плакать. Она присела, обхватила руками гриву Мыша и спрятала лицо в его шерсти, дрожа от холода. Я снял свой плащ и накинул его ей на плечи.

Гард посмотрела на неё, потом на свою сломанную руку и тоскливо вздохнула.

— Мне надо выпить.

Я выплюнул какой-то песок изо рта, и кивнул:

— Аналогично. Идем.

Я протянул ей руку, чтобы помочь подняться. Она приняла её.

Несколько часов и докторов спустя, мы с Гард вернулись в паб, где пивной фестиваль приближался к логическому завершению. Мак ждал нас за столом. Брэддок заикаясь, проговорил огромное количество неуместных благодарностей и убежал. На бочонке Мака красовалась голубая ленточка. Он налил всем нам по кружке.

— Ночь Живого Пива, — пробормотал я. У меня были болеутоляющие для плеча, но я дожидался того времени, когда окажусь, дома в постели, чтобы принять их. И в результате я испытывал боль везде.

— Больше подходит — ночь живых синяков.

Мак покраснел, отпил из свой кружки и поднял ее, салютуя нам с Гард.

— Спасибо.

— Без проблем, — ответил я.

Гард слегка улыбнулась и кивнула Маку головой, когда он встал из-за стола.

Она прикончила собственную кружку и пристально посмотрела на повязку на руке.

— Близко было.

— Немного, — сказал я. — Могу я спросить у Вас кое-что?

Она кивнула.

— Гренделькин назвал вас Гаутом, — я сощурил глаза.

— Да, он сделал это.

— Я знаком только с одним человеком, упомянутым таким образом...

— Встречаются еще и другие, — ответила Гард. — Но о нем знают все.

— Вы назвали гренделькина потомком Гренделя, — продолжил я. — И я так понял, что вы потомок Гаута?

Гард слегка улыбнулась.

— У моей семьи и у семьи гренделькина длинная история.

— Он называл вас Выбирающей, — продолжил я.

Она снова пожала плечами и улыбнулась своей загадочной улыбкой.

— Гард это не ваше настоящее имя, — сказал я. — Не так ли?

— Конечно же, нет, — ответила она.

Я отпил еще немного отмеченного наградой темного пива Мака.

— Вы валькирия. Настоящая.

Выражение её лица стало абсолютно непроницаемым.

— Я полагал, что валькирии в основном подбирают и доставляют, — сказал я. — Отбирают лучших воинов среди павших. Забирают их в Валгаллу. Ах, да, и наливают напитки там. Девственные дочери Одина, разливающие медовуху для воинов, пирующих до Рагнарёка.

Гард запрокинула назад голову и рассмеялась: «Девственные дочери!». Она поднялась, покачала головой и с сожалением посмотрела на сломанную руку. Потом наклонилась и поцеловала меня в губы. Её поцелуй был сладким, чувственным и обжигающим. Я почувствовал его всем своим телом. Гм, некоторыми местами больше чем другими.

Гард медленно отклонилась, её бледно-голубые глаза сияли. Потом она подмигнула мне и сказала:

— Не верьте всему, что вы читаете, Дрезден. — Она повернулась, чтобы уйти, затем остановилась и оглянулась через плечо. — Хотя, если быть откровенной: иногда ему нравится, когда мы называем его Папочкой. Я — Сигрун.

Я наблюдал, как Сигрун уходит. Потом я допил остатки пива. Мыш ожидающе стоял возле меня. Он вильнул хвостом, и мы отправились домой.